

ББК 60.561.53

С. А. Натаев

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЖЕНЩИНЫ В ЧЕЧЕНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ СЕМЬЕ

Изучение социального статуса женщины в чеченской традиционной семье приобретает особое значение, когда в современном мире происходит трансформация устоявшихся гендерных отношений в обществе.

По представлениям дореволюционных исследователей, женщина в чеченском традиционном обществе была бесправной, т. е. пребывала на правах рабыни. Особенно эта мысль заметна у Ф. И. Леонтовича. По его мнению, угнетенное положение женщины было общим явлением для кавказских народов. Он считал, что в основе зависимого положения женщины лежала ее экономическая зависимость от мужчины, которая была отражена в адатах, отдававших ее во власть отца, братьев, мужа. По адатам, дочери подчинены отцу, пока находятся в его доме, он выдает их замуж по своей воле. В имении отца они лишены наследственной доли. Адат не признает за женщиной права собственного *калыма* или *кэбина*, получаемого от жениха. Жена принадлежит мужу, которому оказывает «раболопное уважение холопа к вольному», женщина находится в «беспредельном самовластии мужчины». По адату, «по смерти жены муж ни в коем случае не становится ее наследником». Принесенный ею в замужество калым, жениховский подарок и «нажитое ею имущество делится между детьми» [4, с. 96—99]. Стереотипный взгляд на женщину-чеченку как на бесправное существо, лишенное юридических прав, был перенесен и в советскую научную литературу.

М. А. Мамакаев также отмечал, что женщина не имела права голоса при решении вопросов общественно-политической жизни тайпа (рода). С одной стороны, с высоким положением женщины в семье считались, с другой — она была ущемлена в гражданских правах. В исследуемый нами период — время функционирования внутри тайпа отцовского права — хозяином положения являлся муж. Жена всецело была подчинена его власти. М. А. Мамакаев писал: «Во главе патриархальной семьи мог стоять только муж, хотя жена в приобретении имущества была не менее правоспособна и дочь наследовала равную долю с братом, а мать наравне с детьми. И не следует путать ранние правовые отношения с теми, которые появились с установлением гражданско-религиозного права мусульман — шариата в чеченском обществе, когда при разделе состояния главы дома сын получает полную долю, дочь полдоли, а жена — одну восьмую» [5, с. 12]. При этом, однако, он подчеркивал: «...убийство женщины было и остается величайшим позором у чеченцев. Гражданские права женщины, за исключением права голоса, оберегались наравне с мужскими правами.

© Натаев С. А., 2015

В частности, если состоялась помолвка и одна из сторон после этого отказывалась от свадьбы, то платила специальный штраф «цавашацалла» — в размере до 12 коров. Если муж заставлял свою жену с любовником и убивал их обоих, то он за это ни перед кем не отвечал; если же муж убивал только жену или любовника, то он становился кровником родственников убитого или убитой и отвечал как убийца. За оскорбление девушки или вдовы виновный платил 7 коров; за оскорбление же замужней женщины платил 10 коров и изгонялся из общины. Если чеченец убивал свою жену, а она не имела детей, то он должен был заплатить ее родственникам 85 коров. Если же убитая жена имела детей, то он платил только 12 коров. Вообще, мужа — убийцу своей жены чрезвычайно презирали» [5, с. 34—35].

В чеченском обществе для женщины традиционно сохранялись определенные права и гарантии. Оказавшись в доме мужа, чеченка первоначально обретала статус *нускал* — невеста, затем *нус* — невестка, а уже потом *цIийннана* — хозяйка жилища. Самым почетным считался статус *хIусамнана* — мать семейства, который женщина приобретала, став матерью, воспитывающей детей. Схематически статус женщины-чеченки выстраивается в следующий ряд: *нускал* — *нус* — *цIийннана* — *хIусамнана*, в каждом статусе свои приоритеты.

Слово *хIусамнана* имеет семантику «мать семейства и хозяйка дома, где есть дети». В чеченской социальной терминологии имеется слово *цIийннана*, которое значит одновременно «мать крови» и «хозяйка дома», *цIеннана* — это хозяйка дома и хранительница огня и очага в доме. Если в доме есть *марнана* — свекровь, невестка получает статус *хинана* (мать воды), термин состоит из двух основ: *хи* — вода, *нана* — мать, в ее обязанности входит все, что связано с *хи*: приготовление пищи, стирка, уборка в доме. В отцовской семье, когда в доме появляется сноха, хозяйка дома *цIийннана* обретает статус *марнана* (мать мужа) — свекровь или большуха у русских.

При заключении брака у чеченцев существовали гарантии для девушки, выходящей замуж, т. е. невесте определяли брачный залог. Его эквивалентом служила стоимость одного *урд* (участок земли, который можно было вспахать за один световой день). Были определенные жизненные ситуации, при которых муж должен был выплачивать жене вышеназванный залог *урд*, в частности развод. Однако следует отметить, что существовали свои «подводные камни». Если женщина, в силу объективных причин, не могла иметь детей, это считалось одной из причин расторжения брака, в таком случае *урд* ей не выплачивался. Если женщина тяжело заболела, но имела детей, согласно чеченским адатам, она могла оставаться в доме мужа. При этом муж имел право привести вторую жену, что часто делалось с согласия первой жены. В целях моральной компенсации и сохранения мира в семье подобрать вторую жену для мужа разрешалось или вменялось в обязанность первой жене.

Если же брак расторгался по вине мужа, то он должен был жене выплатить стоимость *урд* и она имела право на часть совместно нажитого имущества.

Если женщина не выполняла супружеские обязанности или проявляла своенравие, про нее говорили *муьтIахьяц* — характером не сходящаяся. У чеченской женщины было право инициативы в интимной жизни, право инициативы на развод — *яшацалла*.

М. А. Мамакаев писал: «По обычному праву чеченцев жена всегда могла уйти от мужа, урегулировав при этом свои материальные взаимоотношения с ним, то есть уплатив плату (“ящацалла”) за оскорбление его достоинства своим уходом. При этом приданое жене возвращалось. Но ящацалла платил и муж, если он, без всяких на то оснований, разводился с женой» [5, с. 14].

У чеченцев имеются сферы жизни, где женщина обладает равным голосом с мужчиной. Есть женское пространство в доме, где жена является беспрекословной хозяйкой: «В домашних делах чеченка была полновластной хозяйкой, и мужу не положено было вмешиваться в ее дела» [5, с. 13].

Всякое преступление, совершенное в помещении с очагом, чеченцами считалось неизмеримо более тяжким, чем совершенное вне такого помещения. Поэтому строго различали: воровство или другие предосудительные деяния, совершенные за *гейбой* (перекладина над очагом), до *гейбы*, на дворе, в конюшне или хлеву и наконец в поле. По мере удаления места совершения преступления от очага оно считалось менее тяжким. Хищение очажных предметов (котел, очажная цепь, подставка и др.) каралось как тягчайшее преступление и приравнивалось к убийству человека. В том, что воровство или любое подсудное дело, совершенное в доме, где преобладало право женщины, каралось гораздо строже, чем такое же деяние вне дома, где действовало преимущественное право мужчины, трудно не усмотреть реликтовое проявление высокого положения женщины в семье и в роде [2, с. 77].

С. А. Хасиев пишет: «Женщина-мать заслужила у всех народов уважение, у чеченцев она поставлена в совершенно особое положение. Самая жестокая схватка, как по мановению волшебной палочки, прекращалась при появлении женщины с непокрытой головой, т. е. когда женщина снимала платок и бросала между дерущимися. Стоило потенциальной жертве кровной мести прикоснуться рукой к подолу платья любой женщины, как оружие тотчас пряталось. Величайшим позором считалось непочитание родственников матери и жены [8, с. 24]. А. А. Айдамиров в книге «Калужский пленник» описывает размышления имама Шамиля о чеченцах и об их отношении к женщинам: «О, этих наивных легкомысленных чеченцев Шамиль уже знает хорошо. Не зря он отказывался встать во главе их вооруженного восстания до тех пор, пока они не послали к нему с этой просьбой своих женщин. Чеченец никогда не встает на колени, кроме как на молитвах к Аллаху. Когда он вынужден обратиться к кому-нибудь с нижайшей просьбой, в крайнем случае, чеченец снимает папаху. А женщины обращаются с просьбой к мужчинам в очень редких случаях. Женщина у них какая-то святая, неприкосновенная личность. Ее нельзя оскорблять и унижать ни словом, ни делом. Человек, нарушивший этот закон, расплачивается головой» [1, с. 256—257].

Имам Шамиль в целях упрочнения своей власти и укрепления шариата жестоко преследовал обычаи и традиции, связанные с адатами, одним из которых был институт ухаживания, аналога которому нет даже у родственных ингушей и у других горцев Кавказа: чеченские девушки относительно свободно могли общаться с юношами в рамках строго определенных обществом норм — у родника, на вечеринках, на свадьбах, посиделках. Шамиль уничтожил целое село с женщинами, детьми и стариками в Нохчмокке (Ичкерия) из-за того,

что там продолжали устраивать свадьбы, вечеринки, встречи молодежи у родника [7, с. 42].

Грузинский писатель XIX в. А. Казбеги, хорошо знавший обычаи и нравы чеченцев, писал: «Чеченская женщина свободнее всех женщин и поэтому честнее всех. Никогда не допустит она никакой непристойности, хотя имеет право свободно общаться с мужчинами» (цит. по: [5, с. 13]).

Однако, когда мы говорим об относительной свободе общения девушки с мужчинами, это не означает распущенности. У чеченцев, как и у других народов Северного Кавказа, даже прикосновение молодого человека к девушке расценивалось как прелюбодеяние и сурово каралось.

Несмотря на свою суровость и жесткость, обычаи и традиции чеченцев были направлены на обеспечение гендерного равноправия женщин и предупреждение дискриминации по признаку пола. Особенно это проявлялось в вопросах неприкосновенности чести и достоинства женщины.

В этом плане идентичную мысль в общих чертах высказывает и М. А. Мамакаев: «Обращаясь к хозяйке дома, чеченцы до сих пор говорят: “цIеннана” (хозяйка огня), но никогда не говорили и не говорят, например, “цIеда” (хозяин огня). Позже, вероятно с появлением жилища, выработались уже другие термины: “цIа” (дом), “цIийннана” (домохозяйка) и “цIийнада” (домохозяин). Этот, казалось бы, незначительный штрих, несомненно, говорит о том, что когда-то в чеченском обществе преимущество было на стороне женщин. В связи с этим важно отметить и такую деталь, что по обычному праву чеченцев за убийство женщины полагались две крови и за оскорбление ее также платили вдвойне» [5, с. 14]. Собственный очаг (цIа), крепкое и здоровое потомство были для чеченца целью и сутью его жизни. Женщина исполняла функции хранительницы очага и воспитания детей [5, с. 12].

В селении Старые Атаги Грозненского района в 30-х гг. XX в. жила 120-летняя женщина Нана Вагапова. Выйдя замуж в 18 лет, она в течение более 100 лет непрерывно поддерживала огонь в очаге дома своего мужа. Говорили, что не было случая, чтобы даже в жаркие летние дни огонь потух. В старину это, по ее словам, являлось обязанностью и делом чести каждой уважающей себя женщины-хозяйки [2, с. 74].

М. А. Мамакаев пишет: «В доме чеченца жена была не служанкой, как это привыкли понимать, а полновластной хозяйкой. Свободная от тяжелых и опасных работ, она всецело посвящала себя семье, воспитанию детей, и прялка и швейная игла для нее были тем же самым, что для мужа топор и плуг» [5, с. 13].

Статус женщины в чеченском традиционном обществе был необыкновенно высок. В чеченском языке есть понятие *Мехканана* (Мать страны), производное от термина родства *нана* — мать и *мохк* — земля, страна. Согласно народным преданиям, *Мехканана* ведала адатами, устанавливающими закон и порядок в сфере семьи и быта чеченцев. Авторитет и влияние женщины, которая имела статус *Мехканана*, были настолько высоки, что кровнику, прикоснувшемуся к ее груди, если она позволяла это ему, прощалось убийство. Убийца-кровник терял личное имя, родство и становился «сыном страны», ему давали прозвище *мамука*, производное от словосочетания *мама йокхарг* (кормящийся грудью). Он всю жизнь должен был служить этой женщине, которая

спасла его от кровной мести, усыновив. Надо отметить, *Мехканана* не была супругой *Мехка да* (Отец страны). Согласно преданиям, *Мехка-кхел* (Совет страны) выбирал на должность *Мехканана* наиболее достойную и уважаемую женщину Чечни [5, с. 101].

О культе матери и женщины у чеченцев говорит также присутствие компонента *нана* (мать) в названиях языческих божеств, которым поклонялись древние предки чеченцев.

Хинана — Мать воды, которая, согласно мифу, обитает в воде, особенно в бурных горных реках, сопутствует людям и предупреждает их о предстоящих бедствиях плачем и пением, похожим на причитание над умершим. Рассказывали, что во время Кавказской войны, за несколько месяцев до занятия и разорения царскими войсками одного из селений Чечни, к жителям его явилась скорбная *Хинана* и предсказала им несчастье [3, с. 53].

Дерцнана — Мать вьюги или бури. Согласно легенде, у нее было семеро сыновей, которые покинули ее, превратившись в созвездие Большой Медведицы. Рассерженная этим, она ушла от людей и поселилась на горе Башлам-Корт (Казбек). Отсюда, очертив вершину запретным кругом, она сбрасывала вниз лавины снега и камней на всякого, кто пытался достигнуть ее местопребывания. Матери вьюги и бури приписывалась власть над всякой непогодой. Обычно путник, которого заставляла в дороге непогода, призывал на помощь ее дух. В честь нее в Девдоракском ущелье был устроен жертвенник, где в конце каждого сезона устраивался праздник с жертвоприношениями, пением и плясками.

Мехнана — Мать ветров — живет, как и Мать вьюги, на вершине Казбека. При недовольстве людьми она поднимает бурю и разметаёт их имущество. В пору покоса и жатвы (в месяц *эттинг-бут*) ей посвящались понедельники. «В эти дни, — писал Е. Шиллинг, — прекращали работу, думая, что, в противном случае, ветер разнесет хлеб и сено» (цит. по: [3, с. 54]).

Нана-Латта — Мать-Земля. Земля являлась исстари не только для предков вайнахов, но и для всего рода человеческого, в конечном счете, всеобъемлющей кормилицей (здесь не только образное восприятие кормилицы-земли по аналогии с кормящей матерью).

Интересно, что наряду с *Нана-Латта* (Мать-Земля) чеченцы говорят в эмоциональной речи и *Льатта Ненан Кийра* (Утроба Матери-Земли), имея в виду начало или конечный исход насущного.

Ценнана — Мать огня. Согласно мифологии, она живет в огне и является его повелительницей. Это добрый дух, дающий людям горячую пищу, свет при темноте и тепло при холоде. Кроме того, Мать огня является охранницей чистоты, поэтому нельзя плевать и бросать нечистоты в огонь, в ее постоянное местопребывание. Считалось, что она приносит в дом благополучие, достаток, мир и согласие.

В вайнахской семидиции среда считалась днем Матери огня. В этот день люди не работали, нельзя было давать соседям ничего из дома, особенно огонь. В старину мужчины считали неприличным раздеваться перед огнем, стыдясь женского взора Матери огня. Еще в недалеком прошлом женщины-чеченки приносили ей жертву: каждый раз после приготовления горячей пищи хозяйка непременно бросала в огонь куски этой еды [3, с. 55].

Таким образом, несмотря на то что в общественных вопросах женщина была ограничена в правах, в период традиционного общества у чеченцев была развита норма уважения и почитания женщины как матери, как хранительницы очага. Чеченец только в трех случаях мог встать на колени: перед Богом, землей и матерью.

Социальный статус чеченки, закрепленный адатами, изменяется в сторону ослабления с укреплением шариата и вытеснением норм адата из общественной жизни чеченцев, но и при этом социальные гарантии для нее сохраняются.

Библиографический список

1. *Айдамиров А. А.* Собрание сочинений : в 6 т. Грозный : Кн. изд-во, 2005. Т. 4. 486 с.
2. *Исламов А. А.* Вайнахские культы огня и плодородия как явления матрилинейного порядка // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. Т. 9, ч. 1, вып. 1. С. 74—77.
3. *Исламов А. А.* К вопросу о первобытно-религиозных представлениях у предков вайнахов // Известия ЧИИИНИЯЛ. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. Т. 9, ч. 1, вып. 1. С. 52—56.
4. *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев : материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 2. 640 с.
5. *Мамакаев М. А.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973. 98 с.
6. *Натаев С. А.* Чеченские тайпы. Махачкала : АЛЕФ, 2013. 418 с.
7. *Хасиев С. А.* Институт ухаживания чеченцев // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. С. 42—46.
8. *Хасиев С. А.* Чеченцев древняя земля. СПб. : Седа-С, 1994. 240 с.

ББК 60.542.2

С. В. Сиражудинова

ГЕНДЕРНЫЕ ГРАНИЦЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕНДЕРНОГО ДИАЛОГА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Определенные гендерные границы существуют в любом обществе, но особо остро они ощущаются в северокавказском. Разграничение пространства на женское и мужское здесь всегда ярко подчеркивается и не ослабевает в ходе развития общества, а наоборот, становится еще сильнее.

В последние десятилетия возрос интерес к гендерной проблематике. Вслед за развитием международного законодательства, все больше и больше отстаивающего права женщин и защиту их от дискриминации, Конституция Российской Федерации, а также и конституции республик Северного Кавказа провозгласили гендерное равенство и равноправие.